

Научная статья
УДК 343.31/.32
DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10

ТОЛКОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Юрий Александрович Власов

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия
karabanovka@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования выступают общественные отношения в сфере охраны личности, основ конституционного строя и безопасности государства. Цель – изучение юридического содержания экстремистских мотивов. Задачи исследования: толкование признаков деяния при квалификации преступлений по мотивам возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни либо ненависти в отношении какой-либо социальной группы. Методы исследования: изучение мнений ученых юристов по данной проблематике, выборка и анализ материалов судебной практики.

На данный момент сложно дать четкий легальный критерий отграничения положительного мотива от отрицательного при квалификации действий виновного по нормам, содержащим экстремистские мотивы. Эта задача в настоящее время возлагается на правоприменителя, который в ходе расследования уголовного дела и судебного рассмотрения должен определить содержание и юридическую значимость указанных мотивов в каждом конкретном случае.

Предлагается руководящим разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации выработать примерные критерии разграничения мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по признаку положительной и/или отрицательной направленности применительно к социально значимым ценностям.

На основе анализа мнений ученых и судебной практики выявлен формальный подход правоприменителя при квалификации преступлений по экстремистским мотивам, что не отражает реальное содержание деяний данной категории. Обосновывается, что не во всех случаях следует квалифицировать преступление против личности или безопасности государства по экстремистским мотивам, несмотря на их формальное присутствие.

Ключевые слова: толкование, мотив, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни либо ненависти в отношении какой-либо социальной группы

Для цитирования: Власов Ю. А. Толкование оценочных понятий при квалификации преступлений, совершенных по экстремистским мотивам // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 101–109. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10.

Original article

READING OF ESTIMATE CONCEPTS IN CLASSIFICATION OF EXTREMISM CRIMES

Yuri A. Vlasov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia
karabanovka@mail.ru

Abstract. The subject of the study is social relations in the protection of an individual, the basics of constitutionality, and the security of the state. The study aims to examine the legal content of extremist motives. The objectives of the study are the following: reading of act attributes in classification of crimes committed to ignite social, racial, national, or religious discord or hatred against any social group. Methods used in the article include studying academic lawyers' opinions on the issue and selecting and analyzing case materials.

At the moment, it is difficult to provide a clear legal criterion for delimitation of positive and negative motives in classifying acts of the perpetrator under regulations with extremist motives. The law enforcer is responsible for resolving this problem by determining the content and legal value of given motives in each specific case during the investigation of a criminal case and legal proceedings.

The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation has issued the directives that propose to establish approximate criteria for distinguishing the motives of political, ideological, racial, national, or religious hatred or enmity, or hatred or enmity in relation to any social group according to a positive and/or negative orientation as applied to socially significant values.

Based on the analysis of scientists' viewpoints and judicial practice, a formalistic approach used by the law enforcer in classifying crimes with extremist motives is identified, which does not reflect the real content of acts in this category. The author substantiates that it is not recommended to classify all crimes against an individual or the security of the state for extremist reasons, despite their direct presence.

Keywords: reading, motive, ignition of social, racial, national or religious discord or hatred against any social group

For citation: Vlasov Yu. A. Reading of estimate concepts in classification of extremism crimes. *Surgut State University Journal*. 2023;11(4):101–109. DOI 10.35266/2949-3455-2023-4-10.

ВВЕДЕНИЕ

Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ в ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены альтернативные оценочные понятия, представляющие дополнительный признак субъективной стороны – мотив ненависти или вражды (политический, идеологический, расовый, национальный, религиозный либо в отношении какой-либо социальной группы). В ст. 116 ст. 282 УК РФ эти мотивы стали составообразующими. В п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ они выступают в качестве отягчающих обстоятельств.

Несмотря на то, что данные юридически значимые признаки используются в правоприменительной практике, нельзя сказать, что накопился достаточный опыт в единообразном применении этих понятий. До сих пор им присущ серьезный недостаток, касающийся точности и достоверности [1, с. 184].

Законодатель лишь формально указал мотивы совершения преступлений (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), но не дал их толкования. Однако есть один нюанс, который не был учтен законодателем и не получил легального толкования. Данные мотивы могут иметь как отрицательное содержание, так и положительное.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Поставленная задача решалась посредством изучения мнений ученых юристов, исследовавших ранее данную проблему, а также на основе выборки и анализа материалов судебной практики.

Объектом исследования выступают отношения в сфере охраны личности, общественной безопасности и общественного порядка.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Правильное и доступное для понимания формулирование дефиниций в нормах уголовного права представляет значительные сложности при нормотворческой практике. Они играют важную роль при квалификации преступлений и представляют сложность в юридической технике при конструировании норм. Наиболее полное и доступное для понимания формулирование определений позволяет правильно уяснить содержание нормы и применять ее при квалификации. Дефиниции в уголовном праве имеют более важное значение по сравнению с другими отраслями права, поскольку предусматривают самые жесткие ограничения прав личности при привлечении к уголовной ответственности.

После введения таких признаков деяний, как мотив ненависти или вражды (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, либо в отношении какой-либо социальной группы) в уголовный

закон, возникли проблемы применения норм, связанные с толкованием этих оценочных понятий. Легальное их толкование со стороны Пленума Верховного Суда РФ не снимает данную проблему, она во многом остается объективно неразрешенной [2]. Так, результаты исследования деяний несовершеннолетних, совершенных по мотиву национальной или расовой ненависти, проведенного М. А. Мошенсон, свидетельствуют, что использование уголовно-правовых критериев, характеризующих мотив преступления, не всегда позволяет учесть все особенности преступления, имеющие значение для оптимальной организации их расследования [3, с. 106].

Введенные в уголовный закон эти юридически значимые мотивы, относятся к экстремизму и заимствованы из п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где в ряду экстремистских действий указываются «...возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии...» [4]. Однако в законе говорится только о том, что относится к экстремистским действиям и не раскрывается их содержание. Несмотря на то, что данные юридически значимые признаки используются в правоприменительной практике, нельзя сказать, что накопился достаточный опыт в единообразном применении этих понятий. До сих пор им присущ серьезный недостаток, касающийся точности и достоверности [1, с. 184]. Выборка судебных решений, где содержатся рассматриваемые мотивы, показала, что их сравнительно немного, что связано либо с их малым количеством, либо с тем, что не все судебные решения отражены на официальном сайте [5]. Не было найдено ни одного решения по статьям главы 16 «Преступления против жизни и здоровья», содержащих мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Обнаружено

три приговора по ст. 214 УК РФ и по одному по ст. 213, 282 УК РФ.

Исследуя нормы, содержащие рассматриваемые мотивы, Е. О. Руева и А. С. Вражнов указывают на неоднозначность и противоречивость используемых в тексте закона понятий, нарушение правовой определенности при их конструировании, а также несоблюдение правил формулирования правовых дефиниций. Проведенный анализ законодательных дефиниций экстремизма и преступлений экстремистской направленности показал, что в первом случае при конструировании дефиниции допускается избыточная казуистичность, а во втором – избыточная абстрактность. На основании чего делается вывод, что нарушение правил юридической техники дает возможность неоправданно широко применять меры уголовной репрессии в процессе правоприменительной деятельности, что недопустимо в правовом, демократическом государстве [6, с. 36].

Обобщая судебную и следственную практику, В. А. Бурковская пришла к выводу, что именно установление цели «возбуждение вражды и унижение достоинства» в качестве обязательного признака субъективной стороны вызывает наибольшие сложности. Как правило, подозреваемые и обвиняемые утверждают, что, совершая инкриминируемые им действия, они хотели обнародовать свою позицию по национальному вопросу, привлечь внимание общественности к этой проблеме и т. д., а не возбудить вражду или унижить достоинство. Опровергнуть эти утверждения при невозможности получения квалифицированного экспертного заключения, отсутствии материалов из органов юстиции либо Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ достаточно сложно [7, с. 13]. Об этом же говорит и З. М. Бешукова на основе анализа материалов уголовных дел, что абсолютное большинство обвиняемых в ходе допроса утверждают, что «целей оскорбления по национальному, иному признаку, возбуждения ненависти, вражды не преследовали, а просто высказывали свое мнение, делились своей точкой зрения» либо «реализовывали свое право на свободу выражения мне-

ния» [8, с. 268–274]. Так, гр. С., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, не признал себя виновным в установленном деянии и показал, что он приведенных цели и мотива не имел, в высказываниях изложил правду [9].

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» не дается разъяснение содержания экстремистских мотивов. В. В. Теннитола, ссылаясь на опрос, проведенный среди судей, следователей и прокуроров, пишет, что зачастую возникают трудности при толковании того или иного мотива, цели убийства. Подавляющее большинство респондентов выступают за введение в Общую часть УК РФ разъяснения субъективных обстоятельств, отягчающих наказание за убийство [10, с. 12]. Сугубо формальный подход, основанный на учете лишь специальных мотивов, может стать препятствием для признания деяний преступлениями [11, с. 55].

Так, гр. А. был привлечен к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 148, ч. 2 ст. 214, п. «б» 2 ст. 244 УК РФ. Суд указал, что А. вырезал из религиозных книг листы, произвел в них надписи в отношении Иисуса Христа и Богородицы, которые оскорбляют религиозные чувства верующих, направлены на возбуждение вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признакам национальности (евреи) и отношения к религии (христиане), а также направленные на унижение человеческого достоинства по признаку национальности (евреи) и отношения к религии (христиане). После чего наклеил эти листы на двери церкви с целью оскорбления религиозных чувств верующих, для их публичного просмотра неограниченным кругом лиц.

Кроме того, А., имея сформировавшееся негативное отношение к лицам, объединенным по признакам национальности, отношения к религии, относящимся к евреям и христианам, желая возбудить ненависть и вражду по отношению к ним, по мотиву религиозной ненависти и вражды, прибыл на территорию

кладбища, где сломал несколько надмогильных деревянных крестов, в том числе на захоронении протоиерея. Фрагменты крестов А. перенес к входу в здание церкви и иконной (церковной) лавки, расположенных на территории данного кладбища. Остальные части разбросал на территории кладбища. В приговоре указано, что преступные действия А. имели безнравственный, циничный характер, носили в себе религиозную ненависть и вражду к усопшим [12]. Суд сделал выводы о наличии мотива национальной или религиозной ненависти или вражды на основании листов из религиозных книг, вывешенных для всеобщего обозрения с его надписями. Однако непонятен вывод о наличии такого мотива применительно к ч. 2 ст. 214 и п. «б» 2 ст. 244 УК РФ, поскольку в приговоре не указано, что подсудимый ломал надгробия по признакам религиозной или национальной ненависти.

Законодатель лишь формально указал мотивы совершения преступлений (политический, идеологический, расовый, национальный или религиозный, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), но не дал их толкования. Однако есть один нюанс, который не был учтен законодателем и не получил легального толкования. Данные мотивы могут иметь как отрицательное, так и положительное содержание. К примеру, политика и идеология могут быть миролюбивыми, конструктивными, направленными на мирное сосуществование, международное сотрудничество и дружбу, а могут быть и агрессивными, направленными на пропаганду войны, терроризма, человеконенавистничества.

Так, группа лиц, руководствуясь негативным отношением к позиции Российской Федерации в политических отношениях с Украиной, движимые мотивом политической ненависти, используя заранее приготовленное альпинистское снаряжение, поднялись на венчающую шпиль здания звезду. Они покрасили ее верхнюю часть до половины краской синего цвета, создав таким образом визуальное восприятие цветов государственного флага Украины на данном объекте,

чем осквернили здание в г. Москве, являющееся объектом культурного наследия. Лица были привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ [13]. В данном судебном решении не раскрывается мотив политической ненависти. Такой вывод делается только на основании действий подсудимых, которые, безусловно, могут подтверждать этот мотив или не совпадать с ним.

Это относится и к расовой ненависти. Россия является многонациональной страной, где на протяжении веков проживают люди разных национальностей. И нередко в бытовом общении или конфликте люди упоминают в негативном плане национальность лица, не подразумевая при этом оскорбление национального достоинства. На это обстоятельство обращает Верховный Суд РФ: «Преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе» [2]. Так, гр. Узбекистана Б. был привлечен к ответственности за совершение преступления, предусмотренного подп. «а, б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, который находясь в состоянии алкогольного опьянения, действуя по мотивам национальной ненависти и вражды в отношении русских по национальности, направил дуло пневматической винтовки в сторону находившихся в помещении лиц, сказав при этом, что будет стрелять. Также громко сказал присутствующим в помещении лицам, что он ненавидит русских, что теперь это их земля, имея в виду, что она принадлежит узбекам, и что русских надо убивать, тем самым выразив национальную ненависть и вражду по отношению к русским по национальности [14]. В данном

случае, обосновывая мотив преступления, суд описал действия подсудимого и его высказывания, которыми они сопровождались.

Достаточно неоднозначна ситуация в отношении религии. В сегодняшнем мире есть множество примеров, где совершаются террористические акты или ведутся войны на религиозной почве. В соответствии со ст. 3.1. «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов» (Библия, Коран, Танах и Ганджур), их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами [15]. Однако реальное содержание некоторых текстов утверждает обратное, несмотря на их нейтральное толкование теологами. Так, во Второзаконии Библии написано: «33. И предал Господь, Бог наш, в руки наши, и мы поразили его и сынов его и весь народ его, и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых...» [16, с. 191]. И таких текстов в этой книге достаточно. Независимо от толкования этого текста в данном случае явно усматривается поголовное уничтожение людей по национальному признаку. Не говоря уже о реальных примерах истории, где огромные массы людей уничтожались на религиозной почве. Даже в Великую Отечественную войну советские солдаты воевали не с фашистами (правильнее говорить – «с нацистами»), а с христианами, поскольку практически все солдаты вермахта носили крест с изображением Иисуса и являлись католиками или протестантами. Полагаем, что достаточно примеров в СМИ, где для оправдания экстремизма и терроризма используются положения Корана. Автор не берется утверждать, имеют ли положительное или негативное содержание данные религиозные тексты, но очевидно, что все зависит от их толкования. Их можно это можно делать как в положительном, нравственном ключе, так и в духе ненависти к людям другой религии и национальности.

В качестве примера судебной практики, где преступление совершено по мотивам религиозной ненависти, можно привести при-

говор в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ. Подсудимый, находясь под окнами музея каменных артефактов, на почве религиозной ненависти, основанной на сформированном мировоззрении, имея умысел на порчу имущества, повалил на землю артефакт, призванный символизировать жизненную энергию, вследствие чего знак был разбит на три части, чем причинил материальный ущерб в сумме 18 000 руб., выразившийся в уничтожении знака «Менгир» [17]. В этом судебном решении суд не дает расшифровку религиозного мотива, из чего не ясно, что явилось основанием для вменения данного состава, а не просто вандализма.

Говоря о возбуждении ненависти либо вражды по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе, законодатель не дает определения социальной группы, что на практике приводит к проблемам квалификации. Эта группа может быть как социально положительной, так и социально отрицательной.

В энциклопедии социальная группа значится как любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями [18]. Из данного определения можно сделать вывод, что такие цели и интересы могут носить не только социальный, но и антисоциальный, преступный характер. В связи с этим, например, по ст. 282 УК РФ должны быть квалифицированы действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды к экстремистскому сообществу или экстремистской организации, что само по себе выглядит абсурдно. Испытывать чувства неприязни или вражды к лицам, совершающим аморальные или противоправные поступки, совершенно естественно для общества, а поэтому относить соответствующие действия к экстремистским не представляется целесообразным. В связи с неопределенностью в понимании социальной группы высшему судебному органу следует дать разъяснения относительно ее существенных признаков с указанием на обязательность правомерных целей данной группы [6, с. 38–40]. Так, С. В. Борисов считает, что к социальным группам, в плане рассматриваемого мо-

тива, не должны относиться «те, что придают группе асоциальный характер (например, принадлежность к тому или иному преступному объединению, экстремистской организации, наличие судимости и т. п.) [19, с. 6]. При ином подходе действия лиц, оказывающих противодействие незаконной деятельности таких групп, можно будет квалифицировать как преступное.

Так, С. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, за действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии, публично, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года. С. поместил в Интернете на общедоступных ресурсах десять высказываний, направленных на унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к православной христианской религии, на возбуждение ненависти и вражды к этой группе лиц.

Обвинение основывалось на заключении эксперта по исследованию продуктов речевой деятельности, где в текстовых записях, начинающихся со слов «Каюсь <данные изъяты> ...», определена группа людей, выделенная по признаку отношения к религии (православные христиане). Дана негативная оценка этой группы, ее представителей, описаны их недостатки: негативные свойства и действия, представляющие группу неполноценной. Автор демонстрирует негативное, цинично неуважительное отношение к сакральным ценностям православных, выражает презрение и ненависть к православным. Высказывание, начинающееся со слов «<данные изъяты> ...», представлено в форме побудительного предложения, является информированием о крайне негативном отношении автора к православным верующим, которые достойны смерти, уничтожения. Суд делает вывод, что заключение эксперта по исследованию продуктов речевой деятельности научно обоснованно и надлежащим образом мотивировано, поэтому у суда нет оснований не соглашаться с ним.

Далее приводится заключение специалиста, который является кандидатом филологических наук, прошедшим профессиональную переподготовку по программе «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика», имеющим многолетний научный лингвистический стаж и опыт проведения юрислингвистических исследований. Используя иную, чем эксперт, методику исследования материалов, он пришел к заключению о том, что в них служители Русской православной церкви (далее – РПЦ) именуются словами, которые относятся к некодифицированной (ненормативной) лексике. Используемые номинативные средства являются негативно-оценочными. Определенное словосочетание в неприличной форме негативно оценивает служителей РПЦ. Для характеристики Бога используется негативно-оценочная сниженная лексика. Использованы языковые обозначения, выражающие поругание, поношение, осквернение религиозных святынь, глумление над ними; в этих материалах в отношении других лиц по признаку отношения к православной христианской вере использованы:

- определенные слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность;
- определенные слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления;
- определенная зоосемантическая метафора;
- определенные слова, содержащие в своем значении негативную экспрессивную оценку деятельности.

В этих материалах в отношении других лиц по признаку отношения к православной христианской вере содержатся:

- формирование и подкрепление негативного образа религии путем использования негативно-оценочных номинаций служителей РПЦ, православных верующих, объектов религиозного поклонения и почитания;
- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей религиозной группы на всю группу;
- утверждение о полярной противоположности и несовместимости интересов служи-

телей РПЦ и честных, добропорядочных граждан России.

Суд посчитал, что приведенные выводы специалиста мотивированны, научно обоснованы, логичны, убедительны и согласованы с приведенными выводами эксперта. В целом совокупность вышеприведенных в приговоре согласующихся между собой принятых судом доказательств, которые суд оценивает как допустимые и достоверные, является достаточной для признания подсудимого виновным в изложенном деянии [9]. Если внимательно проанализировать текст приговора, то создается впечатление, что это приговор не гражданского суда, а церковного. Представленные заключения эксперта и специалиста являются слишком общими и оценочными, не обосновывают мотив возбуждения ненависти либо вражды к данной социальной группе. Эти действия можно рассматривать как выражение личного мнения подсудимого, не подразумевающего указанный мотив.

Вышеуказанные мотивы могут иметь отрицательный полюс и, следовательно, увеличивают общественную опасность деяния, а могут иметь и положительный полюс, когда лицо хотя и совершает противоправные действия в отношении потерпевшего именно по указанным мотивам. Но сами эти мотивы не только могут порицаться обществом, но и содержат в себе состав правонарушения или преступления. Например, потерпевший совершает действия, направленные на призывы к вооруженному мятежу (ст. 279 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), используя положения религиозных догм, идеологии нацизма и т. д. Лицо, пресекающее эти действия, фактически причиняет вред потерпевшему по мотиву политической, религиозной, идеологической ненависти, но содержание этих мотивов, является асоциальным, а действия потерпевшего – преступными.

В таком случае виновное лицо не должно освобождаться от уголовной ответственности, если оно не действовало при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, за при-

чиненный вред. Но нельзя вменять и квалифицирующий признак по указанным мотивам. Ответственность должна наступать по основному составу, при отсутствии другихотягчающих обстоятельств. Если имели место побои, то должна наступать ответственность по нормам КоАП РФ, а не по ст. 116 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя проблему толкования оценочных понятий, можно прийти к выводу, что весьма сложно дать четкий легальный критерий отграничения положительного мотива от отрицательного при квалификации действий виновного по нормам, содержащим исследуемые мотивы. Эта задача в большей степени возлагается на правоприменителя,

который в ходе расследования уголовного дела и судебного рассмотрения должен определить содержание и юридическую значимость указанных мотивов в каждом конкретном случае.

Тем не менее, представляется целесообразным со стороны Пленума Верховного Суда РФ выработать примерные критерии разграничения мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по признаку положительной и/или отрицательной направленности применительно к социально значимым ценностям.

Список источников

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Мошенсон М. А. Криминалистическая классификация преступлений, совершенных группами несовершеннолетних на почве национальной и расовой ненависти // Уголовное право. 2012. № 1. С. 105–109.
4. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Руева Е. О., Вражнов А. С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.
7. Бурковская В. Новая редакция ст. 282 УК РФ возбуждение ненависти либо вражды а равно унижение человеческого достоинства: старые проблемы // Уголовное право. 2004. № 2. С. 12–14.
8. Бешукова З. М. Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского Суда по правам человека) // Общество и право. 2010. № 1. С. 268–275.
9. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска (Архангельская область) от 06.07.2020 № 1-156/2020 по делу № 1-156/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=ipa5s09s7i854574346> (дата обращения: 10.10.2023).

References

1. Kashanina T. V. Iuridicheskaja tekhnika. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Norma: INFRA-M; 2011. 496 p. (In Russian).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 “On Court Practice of Criminal Cases on Extremism Crimes” (as amended on October 28, 2021). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Moshenson M. A. The criminalistic classification of crimes committed by groups of juveniles on account of national and race hatred. *Ugolovnoe pravo*. 2012;(1):105–109. (In Russian).
4. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Control of Extremism” (latest revision). Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
5. Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <http://sudact.ru> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
6. Rueva E. O., Vrazhnov A. S. Issues of formulation of definitions in extremist crimes. *Russian Investigator*. 2019;(4):36–40. (In Russian).
7. Burkovskaya V. Novaia redaktsiia st. 282 UK RF vzbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: starye problemy. *Ugolovnoe pravo*. 2004;(2):12–14. (In Russian).
8. Beshukova Z. M. Sootnoshenie prava na svobodu vyrazheniia svoego mneniia s zapretom na vzbuzhdenie vrazhdy (po materialam Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka). *Society and Law*. 2010;(1):268–275. (In Russian).
9. Judgment of the Solombalsky Regional Court of Arkhangelsk (Arkhangelsk Region) of July 6, 2020 No. 1-156/2020 on the case No. 1-156/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=ipa5s09s7i854574346>

10. Тенитилова В. В. Причины ошибок, возникающих в практике следственных и судебных органов, при квалификации убийства в процессе установления мотивационной сферы содеянного // Российский следователь. 2009. № 12. С. 11–12.
11. Хлебущкин А. Г. Постановление пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Уголовное право. 2011. № 6. С. 54–60.
12. Приговор Скопинского районного суда (Рязанская область) от 09.08.2019 № 1-49/2019 по делу № 1-49/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/?ysclid=lpatefw8zi582374991> (дата обращения: 29.09.2023).
13. Приговор Таганского районного суда (г. Москва) от 10.09.2015 № 1-243/2015 по делу № 1-243/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H6HGEHyMSyT/?ysclid=lpatgizap9815108330> (дата обращения: 10.10.2023).
14. Приговор Благовещенского городского суда (Амурская область) от 12.11.2020 № 1-1041/2020 по делу № 1-473/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUL/?ysclid=lpabyvw8175766297> (дата обращения: 29.09.2023).
15. О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 48 (часть I). Ст. 6680. Доступ из СПС «Гарант».
16. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2002. 1330 с.
17. Приговор Нальчикского городского суда (Кабардино-Балкарская Республика) от 23.01.2019 № 1-146/2019 по делу № 1-146/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eZZmLO9VGoxa/?ysclid=lpat2unufx244063027> (дата обращения: 29.09.2023).
18. Социологическая энциклопедия – социальная группа. URL: <https://tinyurl.com/jecxka44> (дата обращения: 17.09.2023).
19. Борисов С. В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–9.
10. Ipas5o9s7i854574346 (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
10. Tenitilova V. V. Causes of mistakes arising in practice of investigative and judicial agencies in qualification of a murder in the procedure of determination of motivational sphere of an action. *Russian Investigator*. 2009;(12):11–12. (In Russian).
11. Khlebushkin A. G. Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda RF “O sudebnoi praktike po ugodovnym delam o prestupleniiakh ekstremistskoi napravlenosti”. *Ugodovnoe pravo*. 2011;(6):54–60. (In Russian).
12. Resolution of the Skopinsky Regional Court (Ryazan Region) of August 9, 2019 No. 1-49/2019 on the case No. 1-49/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mNyOyoEtirbp/?ysclid=lpatefw8zi582374991> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
13. Judgment of the Tagansky Regional Court (Moscow) of September 10, 2015 No. 1-243/2015 on the case No. 1-243/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H6HGEHyMSyT/?ysclid=lpatgizap9815108330> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
14. Judgment of the Blagoveshchensk City Court (Amur Region) of October 12, 2020 No. 1-1041/2020 on the case No. 1-473/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1zpqweI8NQUL/?ysclid=lpabyvw8175766297> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
15. Federal Law of November 23, 2015 No. 314-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Control of Extremism””. Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 48 (Pt. I). Art. 6680. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russian).
16. Bible. Moscow: Russian Bible Society; 2002. 1330 p. (In Russian).
17. Judgment of the Nalchik City Court (Kabardino-Balkarian Republic) of January 23, 2019 No. 1-146/2019 1-999/2018 on the case No. 1-146/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eZZmLO9VGoxa/?ysclid=lpat2unufx244063027> (accessed: 29.09.2023). (In Russian).
18. Sotsiologicheskaya entsiklopediya – sotsialnaya grupa URL: <https://tinyurl.com/jecxka44> (accessed: 17.09.2023). (In Russian).
19. Borisov S. V. The problems of identification of content and correlation of motives in the course of classification of extremist crimes. *Ugodovnoe pravo*. 2013;(6):4–9. (In Russian).

Информация об авторе

Ю. А. Власов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Vlasov – Candidate of Sciences (Law), Docent.